

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 151–180.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 151–180.

Научная статья / Original article

УДК 94(47)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-151-180

ВЕРДИКТ И ПРОЦЕДУРЫ: К ИСТОРИИ КАЗНИ ДЕКАБРИСТОВ

Давид Маркович Фельдман
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru

 Аннотация. Статья посвящена анализу материалов, относящихся к следствию и суду по делу о тайных обществах, традиционно именуемых декабристскими, а также процедурам гражданской и смертной казней осужденных. Автор рассматривает основные этапы официального расследования, подготовки итоговой документации, цели заговора, которые формулировали сами заговорщики, биографии ряда лидеров, проблему законности вердикта и полемики о ней в XIX–XXI веках. Характеризуются предложенные в данный период варианты публицистического осмысления деятельности и участи тех, кого относят к декабристам, аналогично и причины бытования различных оценок. Рассмотрены противоречия в следственных и судебных документах, выявлены факторы, их обусловившие. Выявляются и мотивация Николая I, и прагматика сочиненных им ритуалов исполнения наказаний.

© Фельдман Д. М., 2025

Ключевые слова: декабристы, Пестель, Рылеев, Сенатская площадь, гражданская казнь, смертная казнь

Ссылка для цитирования: Фельдман Д. М. Вердикт и процедуры: к истории казни декабристов // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 1. С. 151–180. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-151-180.

Literature. Philosophy. Religion

THE VERDICT AND THE PROCEDURES:
ON THE HISTORY OF THE EXECUTION OF THE DECEMBRISTS

David M. Feldman

The Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dmfeld@inbox.ru

Abstract. The article analyses some materials related to the investigation and trial of the secret societies traditionally referred to as “Decembrists” — as well as the materials regarding the procedures of the so-called “civil execution” and capital punishment of the sentenced. The author researches the main stages of the official investigation, the conclusive documentation preparation, the aims of the plot as formulated by the conspirators, some of the leaders’ biographies, the lawfulness of the verdict and the controversy on the latter issue in the 19–21th centuries. The actions and the fate of those who are usually considered as the Decembrists have been construed in a publicist manner. This paper studies various versions as well as the reasons why they still last. Contradictions in the investigation and trial documents are analysed as well as the factors that caused them. The scholar reveals the motivation of Nicolas the First and the pragmatics of the execution rituals devised by him.

Keywords: Decembrists, Pestel, Ryleev, Senate Square, civil execution, capital punishment

For citation: Feldman, D. M. (2025) “The Verdict and the Procedures: on the History of the Execution of the Decembrists,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 151–180. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-151-180.

Законность предвзятости

Отечественная традиция — публицистическое осмысление казни декабристов. Применительно же к заявленной теме уместна систематизация хрестоматийно известных событий.

Итак, 18 ноября 1825 года в Таганроге внезапно умер бездетный Александр I. Живший в Варшаве старший из оставшихся царских братьев — Константин — ранее заключил морганатический брак и от права на престол отрекся. Перешло оно к Николаю, однако решение о переходе формально не оглашалось тогда. Соответственно, отрекшемуся надлежало визировать новый документ, подлежащий обнародованию. Возникла ситуация междуцарствия: прежнего монарха нет уже, нового — еще. Шло время, а безоговорочное отречение так и не было доставлено в Санкт-Петербург.

14 декабря там был подавлен мятеж трех подразделений столичной гвардии: Московского полка, лейб-гвардии Гренадерского и Гвардейского морского экипажа. Согласно распоряжению нового монарха, расследование инцидента поручено созданной через три дня специальной организации. Ее итоговое название — Следственная комиссия.

28 декабря восстали несколько рот Черниговского полка в Киевской губернии. Пять дней спустя восстание подавлено, участники арестованы. В Санкт-Петербург отправили тех, кого сочли инициаторами. Для остальных — местные военные суды.

В столице расследование продолжалось более пяти месяцев. Руководил им лично император.

Нескольких арестантов Следственная комиссия оправдала. Им были выданы документы, подтверждавшие лояльность. Наиболее известный пример — коллежский асессор А. С. Грибоедов. Почти что пятимесячный арест, получение так называемого очистительного аттестата и даже повышение в чине [Декабристы, 1988, с. 59].

Немаловажным фактором стали монаршие соображения пропагандистского характера: уменьшение масштабов заговора и вовлеченности представителей высшей элиты Российской империи. Тут император сам прекращал расследование или не разрешал его начинать. Наиболее известный пример — внук генералиссимуса А. В. Суворова, эстандарт-юнкер лейб-гвардии Конного полка А. А. Суворов. Он к заговору был причастен, арестован и — освобожден по императорскому повелению [Декабристы, 1988, с. 170].

В ряде случаев доказательства участия в заговоре признаны недостаточными, однако и оправдания не было. Использовалась фраза «оставить без внимания».

Василий Перов. Восстание декабристов. Конец 1870-х — начало 1880-х

Большинство арестантов, признанных все же причастными к заговору, вернулись на службу. Таково было решение императора, документально оформленное фразой «арест вменить в наказание».

Варианты, не предусматривавшие дальнейших санкций, реализованы еще в период следствия. Его итоги формально подвело адресованное императору «Донесение Следственной комиссии». Оно было опубликовано 12 июня 1826 года в качестве приложения к газете «Русский инвалид», перепечатано другими и вышло отдельным изданием.

Император 1 июня предписал собрать Верховный уголовный суд. Осужденных — сто двадцать один. Пятьдесят три приговорены к смерти. Но после монаршего вмешательства осталось пять смертников: П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский. Прочим — от пожизненной каторги до разжалования в солдаты.

Вердикт, как и «Донесение Следственной комиссии», печатался и в периодике, и отдельными изданиями. Первая публикация — 12 июля в приложении к газете «Русский инвалид».

Сочинен вердикт под личным контролем Николая I. Он же и ритуал казней сочинил [Записка, 1980, с. 280].

В три часа 13 июля на кронверке Петропавловской крепости спешно устанавливали эшафот и виселицу. Еще не установили, когда выстроились сводные подразделения гвардии — при знаменах и офицерах.

До начала гражданской казни приговоренным выдали в камерах мундиры и приказали одеться. Затем вывели и поставили на колени перед выстроившимися гвардейцами. Барабанщики ударили дробь — «поход».

Специально отряженные унтер-офицеры срывали с осужденных эполеты и награды, затем и мундиры, бросали все это в заранее разожженные костры. Над головой каждого приговоренного была переломлена шпага.

Для гражданской казни шпаги заранее подпилили, чтобы проще было сломать. Но выяснилось, что недостаточна подготовка: некоторые подпиленные клинки приходилось ломать ударами по головам осужденных.

После гражданской казни осужденных увели с кронверка. Затем туда вывели смертников — уже в специальных балахонах. Умерщвляли под барабанную дробь, какая полагалась «для гонения сквозь строй».

Тут опять не обошлось без эксцессов. Виселица не выдержала тяжести, веревки были недостаточно прочными, и три осужденных на смерть упали окровавленными, но живыми в яму под эшафотом. Инвентарь смертной казни приводили в порядок долго, а потом трех смертников повторно вешали.

После чего войска увели. Инвентарь смертной казни разобрали и вывезли. Мертвых тоже — в безлюдное место. Там вырыли яму, куда сбросили тела. Их закопали, предварительно залив негашеной известью, чтобы и следов останков не было. Где та безымянная могила — спорят и ныне.

Применительно же к вердикту и процедурам казней — смертной и гражданской — интересны два вопроса. Оба равной важности.

Какими причинами, во-первых, обусловлено решение монарха умертвить именно вышперечисленных пятерых? Во-вторых, зачем ему понадобились исключительные по сложности процедуры казней?

На вопрос о смертных приговорах ответ дал Верховный уголовный суд. Артикулом воинским 1715 года казнь четвертованием предусматривалась за любое насилие по отношению к императору, причем умыслы приравнивались к деяниям [Полное собрание законов ... , 1830, с. 325].

Богоданной считалась царская власть. Такова была основа государственной идеологии Российской империи. Монарх — сакральная особа. Аналогично и его родственники.

Дворцовые перевороты — не в счет. Официально смена монарха обосновывалась причинами некриминального характера, истинные обстоятельства знали немногие, публичное обсуждение вообще исключалось. Официальное идеологическое обоснование цареубийства оставалось невозможным в Российской империи [Одесский, Фельдман, 2012, с. 89–105; Фельдман, 2008, с. 681–696].

Так называемые цареубийственные планы инкриминировали пяти будущим смертникам, и они признали себя виновными. Получилось, что император смягчил законную кару, заменив повешением кровавое четвертование. Да и умерщвлены были не все приговоренные к смерти Верховным уголовным судом. Выходит, монарх оказался гораздо более снисходительным, чем назначенные им судьи.

Это — с одной стороны. Есть другая: «цареубийственные планы» инкриминировались многим арестованным по делу о заговоре, почти все они признали себя виновными, а повесили только пятерых.

Да, формально выбор будущих смертников обосновывался критериями, выбранными заранее. Подсудимых распределили по группам, так называемым разрядам: от первого до одиннадцатого, сообразно количеству и тяжести инкриминированных деяний. Виновными более всех признаны пятеро, вот они и оказались в отдельном списке.

Но, во-первых, действовавшим тогда законодательством не предусматривались какие-либо разряды. Эту новацию предложил М. М. Сперанский, выполняя распоряжение императора.

Во-вторых, перечню деяний, инкриминированных каждому из подсудимых, отнюдь не всегда соответствует распределение по разрядам. Так, не следует из документов, что оказавшиеся в особом списке совершили больше тяжчайших преступлений, чем все, кому смерть заменена другими наказаниями. Количество несоответствий исключает случайность. Что, конечно же, замечено историками.

Было предложено объяснение: предвзятость императора. Пусть так. Но оба вопроса — о причинах умерщвления именно пяти заговорщиков и сочинения монархом исключительно сложных процедур смертной и гражданской казней — все равно без ответа.

Впрочем, эти вопросы даже не формулировались. Более важными по-прежнему считаются варианты осмысления вердикта и смертной казни — именно в аспекте законности.

Споры о законности

Как известно, под термином «законность» подразумевается исполнение законов. Но такое понимание отнюдь не всегда применимо к Российской империи. В частности, полномочия Николая I законодательно не ограничивались. Он имел право карать без всяких судебных процедур. Аналогично — смягчать или отменять предписанные судом кары.

Но полемика о законности все-таки началась. Именно публичная.

Самым известным ее инициатором стал А. И. Герцен. Правда, за границей и уже в период царствования Александра II. Эмигрант утверждал, что смертная казнь декабристов противоправна. Согласно широко известному тогда преданию, великая княжна Елизавета, возглавившая дворцовый переворот в 1741 году, дала обет не казнить никого, если станет императрицей. Добившись желаемого, она не отменила законы Петра I, но без ее согласия — конфирмации — смертные приговоры не приводились в исполнение. Она не подписывала такие документы. В итоге смерть заменялась иной карой. Это и была правовая новация, обоснованная документально, когда минуло тринадцать лет после восшествия на престол новатора.

В послеелизаветинские времена случаи приведения в исполнение смертных приговоров были, как известно, крайне редкими, пропагандистски обоснованными чрезвычайными обстоятельствами. Герцен не признавал чрезвычайности применительно к осуждению декабристов, а потому инкриминировал Николаю I нарушение традиции, воспринимавшейся уже в качестве закона.

«Донесение Следственной комиссии» Герцен признал клеветой. По его словам, заговорщики — «воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия» [Герцен, 1959, с. 171].

Это, по словам Герцена, удалось декабристам. Соответственно, они принесли искупительную жертву, благодаря чему «разбудили душу у нового поколения — повязка спала с его глаз» [Герцен, 1956, с. 201].

Казни позорной, каковой считалось повешение, дан в герценовской интерпретации принципиально иной смысл. Эмигрант, характеризуя Николая I, утверждал: «Этот тупой тиран не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения» [Герцен, 1958, с. 143].

Базовый тезис варьирован многократно. К примеру, на обложке изданного в 1855 году первого номера герценовского альманаха «Полярная звезда» — медальон с профилями казненных. Не важно, что реального сходства нет, глав-

ное, подписи объясняли, о ком речь шла, и они, по словам издателя, «наши мученики» [Герцен, 1961, с. 204].

Герценовское осмысление вердикта откровенно публицистично. Что не скрывалось, а подчеркивалось автором. Он вел полемику с официальными пропагандистскими установками.

В 1857 году типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии выпустила составленную на основе мемуаров и официальных документов книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Это было третье издание, а два предшествующих, напечатанных мизерными тиражами, предназначались, что называется, для служебного пользования (см. об этом: [Рудницкая, Тартаковский, 1994, с. 5–64]).

Согласно корфовскому осмыслению, заговорщики — безнравственные честолюбцы. Посягнув на российскую государственность, они замыслили и царубийство. Значит, у императора не было выбора: требовалось утвердить порядок в стране.

Будучи высокопоставленным чиновником, Корф исключил какие-либо сомнения в достоверности официальной истории заговора и мятежей. Очевидны, по его мнению, законность и справедливость вердикта.

Как исследователь Корф, разумеется, претендовал на объективность. Но предложенное им осмысление — явно публицистическое.

В аспекте же доступа к информации Корф был, по сути, монополистом. Архивы еще почти что полвека оставались недоступными для независимых исследователей, а это исключало предметный спор с официальной интерпретацией.

Другую интерпретацию в Российской империи на рубеже 1860–1870-х годов предложил А. Н. Пыпин. Он не рассуждал об искупительной жертве, а доказывал, что заговорщики — либералы, но стали таковыми, когда время либерализма еще не пришло в стране [Пыпин, 2001, с. 363, 379, 380].

Публицистично и пыпинское осмысление. Оно близко к герценовскому: отрицается — пусть лишь имплицитно — законность вердикта.

Для В. И. Ленина в 1912 году проблема оценки законности вердикта заведомо решена. Беззаконен и режим самодержавия, и средства его защиты, а декабристы — первые отечественные революционеры, хоть из-за дворянской ограниченности «далеки они от народа» [Ленин, 1968, с. 261].

Со второй половины 1920-х годов ленинская интерпретация стала официальной, и полемика с ней исключалась на родине автора почти шестьдесят лет. Ну а в постсоветскую эпоху налицо все четыре варианта [Булдакова, 2024, с. 143–147].

При распределении по степени популярности ленинский вариант — на последнем месте. Это закономерно: все еще действует инерция отторжения советского режима.

Корфовский вариант — почти вровень с ленинским. Что опять закономерно: непродуктивными оказались все попытки характеризовать декабристов как безнравственных честолюбцев.

Гораздо более популярен герценовский вариант. Что тоже закономерно: была и останется привлекательной идея жертвенного противостояния несправедливости.

Лидирует же пыпинский вариант. Причем давно.

Так, в Санкт-Петербурге на исходе 2000 года была проведена международная конференция «Истоки и судьбы русского либерализма. К 175-летию восстания декабристов». И материалы ее были затем опубликованы под соответствующим заголовком: «Империя и либералы».

Пафос большинства докладов: противопоставление декабристов как либералов — революционерам в качестве разрушителей государства. Не все участники конференции были с этим согласны, однако показательно выступление В. Я. Мотыля, режиссера блокбастера второй половины 1970-х годов — «Звезда пленительного счастья».

Если верить режиссеру, декабристы не стремились к власти, победить в столице не желали. Другая цель ими ставилась: «Я выскажу, может быть, неквалифицированное мнение, но мне кажется, что 14 декабря нельзя было называть восстанием в полном смысле этого слова. Это была демонстрация».

Столь парадоксальный вывод Мотыль обосновал ссылкой на мнения самих декабристов. По его словам, офицеры на Сенатской площади «так и говорили: “Вот достоин до такого-то часа, и подпишет Николай Конституцию”. Они ждали, они вышли на демонстрацию, зная, что это может кончиться плохо, но это была демонстрация» [Мотыль, 2001, с. 285].

Источник сведений Мотыль, разумеется, не указал. Зато он до логического финала довел пыпинский вариант. В рамках такой интерпретации казни на кронверке Петропавловской крепости — вопиющее беззаконие.

Сторонники герценовского и пыпинского вариантов старательно обходили и ныне обходят тему «цареубийственных планов». Однако были такие. Значит, все равно уместен вопрос о целях и монарха, и заговорщиков.

Цели и задачи

Трудно судить, какие цели император ставил изначально. Ясно только, что целеполагание формировалось в ходе расследования.

Кроме того, историками установлено: сохранилась не вся документация, относившаяся к делу о заговоре. Часть уничтожена или утрачена в силу различных обстоятельств (см. об этом, например: [Киянская, 2010, с. 47–97]).

Но репрезентативен и сохранившийся корпус источников. Анализ их позволяет выявить задачи, поставленные императором следователям, а позже — судьям.

Решения следователей и судей обосновывались мнениями о целях заговора и поставленных для их достижения задачах. Вот тут и очевидны противоречия.

Согласно выводам следователей и судей, одна из основных целей заговора — цареубийство. Причем не только самого монарха, а еще и всех его возможных наследников, то есть «истребление императорской фамилии» [Донесение Следственной комиссии, 1980, с. 36 и др.].

Выводы не соответствуют показаниям заговорщиков. Те настаивали, что физическое устранение монарха, аналогично и августейшей семьи, не рассматривалось в качестве цели и даже решаемой для ее достижения задачи.

Основные задачи формулировались еще в 1816 году при создании первой декабристской организации — «Союза спасения». Планировались отмена крепостного права и установление конституционного строя (см., например: [Пестель, 1927, с. 101]).

Решением этих задач и достигалась подразумеваемая цель — социальная реализация в политической сфере. Так, вполне ясно свое целеполагание определил отставной подполковник Г. С. Батеньков. Отвечая на вопросы следователей, он сказал, что ему всегда хотелось быть «ученым или политиком» [Батеньков, 1976, с. 93].

Вот для чего и надлежало радикально изменить государственный строй Российской империи. Политическая самостоятельность любого подданного исключалась идеей самодержавия как обладания императором совокупностью исполнительной и законодательной власти. Самостоятельным политиком был лишь монарх, и служба ему оставалась тогда единственным вариантом социальной реализации дворянина. Все прочее — область досуга.

Как известно, заговорщики планировали уравнивать в правах все мужское население страны. Что логично: социальная реализация в области политики обеспечивалась только всеобщим равенством перед законом.

Об этом и рассуждал в письмах из Сибири прошедший каторгу бывший подполковник М. С. Лунин. Правительственную версию истории заговора он буквально высмеял.

Иного эта версия, по его словам, не заслуживала. Так, данное ему именование становилось все сложнее за время, миновавшее после ареста. Был и обвиняемым, и подсудимым, и осужденным за государственные преступления, и каторжником, потом и ссыльнопоселенцем, в Англии же «сказали бы: “Лунин, член оппозиции”» [Лунин, 1988, с. 6].

Легальной формы политической деятельности не могло быть у русских подданных. Но ее пытались найти заговорщики. Обсуждались варианты постепенного влияния на общественное мнение, сотрудничества с властью для подготовки реформ.

Вариант сотрудничества ради проведения реформ вскоре деактуализировался. Монарх оставался самодержцем, значит, планам заговорщиков не мог не препятствовать.

Известен был отечественный опыт устранения подобного рода препятствий. Дворцовый переворот. Но его итог — замена одного монарха другим. Такая задача прежде решалась гвардейцами ради обеспечения карьерных преимуществ, тогда как основатели «Союза спасения» планировали изменить государственный строй.

Это и подчеркнул ссыльнопоселенец Лунин. По его словам, педалирование темы цареубийства в «Донесении Следственной комиссии» понадобилось новому монарху, чтобы унижить побежденных.

Так ли, нет ли, можно спорить. Бесспорно, что гвардейским офицерам не потребовалось бы девять лет для подготовки цареубийства.

Чтобы провести реформы по своему усмотрению, заговорщикам следовало захватить власть самим. Но и предотвратить бунт простонародья. Значит, использовать только войска под контролем военачальников, сохраняя — хотя бы до поры — структуру управления страной.

Известен был европейский опыт решения подобного рода задач. К примеру, бонапартовский. Но и он оказался неприменимым.

К моменту основания «Союза спасения» молодые заговорщики не располагали войсками сколько-нибудь значительной численности. По выражению того времени, «еще в чины не вышли».

Но и через пять лет, добившись карьерных успехов, заговорщики не могли использовать бонапартовский опыт. Препятствием была основа государственной идеологии — сакральность особы императора.

Бонапарт захватил власть, когда Франция была республикой. Да и после создания Французской империи равенство всех граждан перед законом оставалось базовым принципом государственной идеологии.

В условиях же Российской империи управлять войсками удалось бы только от имени монарха. Иную административную вертикаль солдатские массы

не признали бы законной. Богом дается царская власть, царем распределяются командирские полномочия, значит, выступивший против императора — не офицер, а бунтовщик.

Устранившие монарха заговорщики все равно не имели бы формального права на власть. Оно принадлежало только законному престолонаследнику.

С учетом отечественной специфики перспективным для захвата власти оказался бы период междуцарствия. Этот вариант обсуждался заговорщиками. Но до поры оставалась без решения стратегическая задача: как подготовить ситуацию бескровного захвата власти на срок, продолжительность которого позволяла бы провести необратимые государственные реформы.

По масштабам и сложности такая стратегическая задача несопоставима с подготовкой дворцовых переворотов. Заговорщики не обладали соответствующим административным опытом, не имели образцов, можно сказать, оцупью искали методы решения, вот и были поиски долгими.

Цареубийство оставалось тактической задачей. Неактуальной, пока методы решения стратегической были неясными или спорными.

В ноябре 1825 года, когда умер Александр I, столичные заговорщики еще спорили о методах решения стратегической задачи. Да и к декабрю не было принято окончательное решение.

О причинах неудачи петербургского восстания историки полемизируют издавна. Ну а применительно к теме статьи важно, что офицеры-мятежники выводили гвардейцев из казарм под лозунгом защиты прав Константина в качестве законного монарха, и аналогичное обоснование пришлось выбрать на юге. Все прочие аргументы были признаны неуместными — для солдат.

Участие в мятеже само по себе было достаточным основанием смертного приговора. Артикулом воинским предусматривалось опять же четвертование, как за «цареубийственные планы». Одно ли такое преступление выявлено следствием, оба ли, не имело значения — в аспекте законности вердикта. Но повешены лишь пятеро.

Список обреченных

В этом списке первый — тридцатитрехлетний Пестель. К моменту ареста был командиром Вятского пехотного полка в чине полковника.

Еще подростком он учился за границей, далее — Пажеский корпус. Окончил досрочно и по успехам первым. На Бородинском поле девятнадцатилетний прапорщик лейб-гвардии Литовского полка тяжело ранен, после излечения участвовал в Заграничном походе. Шесть боевых наград, повышения в чине. С 1813 года — адъютант П. Х. Витгенштейна, по окончании военных

Павел Иванович Пестель (1793–1826)

действий назначенного командующим армейским корпусом, а затем 2-й армией, которая дислоцировалась в южных приграничных районах.

По делам адъютантской службы Пестель часто ездил в Санкт-Петербург. Был и другой повод: с 1814 года он пять лет числился в Кавалергардском полку. Этот перевод считался формальным — «с оставлением в должности адъютанта».

Его влияние в штабе 2-й армии было велико. В Санкт-Петербурге стал одним из основателей, а позже и лидером первой декабристской организации, впоследствии переименованной в «Союз благоденствия».

Когда эту организацию столичные лидеры заговорщиков решили по конспиративным соображениям объявить распущенной, Пестель не согласился даже с фиктивным роспуском. Единомышленников нашел в Санкт-Петербурге, а тайное общество, которое создал на юге, именовал «Южной отраслью Союза благоденствия».

На военной службе Пестель намеревался получить достаточно высокую командную должность. Подал рапорт о переводе из гвардии, был повышен на два чина, как тогда полагалось. С 1822 года — полковой командир. Его полк на императорском смотре вскоре признан лучшим во 2-й армии.

Арестован Пестель 13 декабря 1825 года. Причина — донос сослуживца. Для смертного приговора хватало «цареубийственных планов». Они обсуждались заговорщиками.

В списке обреченных второй — тридцатилетний Рылеев. Отставной армейский подпоручик. К моменту ареста — «правитель дел Российско-американской компании».

Американцы не имели к ней отношения. Это отечественное акционерное общество, занимавшееся добычей пушнины на Аляске. Кстати, одним из акционеров стал Александр I. Доходное было предприятие.

Рылеев окончил петербургский Первый кадетский корпус в 1814 году. Армейский прапорщик участвовал в Заграничном походе, но повоевать не удалось, да и карьера военная, как говорится, не заладилась. В отставку вы-

Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826)

шел, когда и пяти лет не минуло после выпуска. Женился, искал службу в Санкт-Петербурге, наконец, стал руководителем канцелярии Российско-американской компании.

Зато карьера литературная складывалась удачно. Рылеев добился известности не только в качестве поэта: был и преуспевающим издателем. Считался чуть ли не главным инициатором столичного мятежа.

Арестован в своей квартире 15 декабря 1825 года. Основание — свидетельства ранее арестованных мятежников. Что до «цареубийственных планов», то обсуждал их с другими заговорщиками. Формально для смертного приговора хватило.

Третий в списке обреченных — тридцатилетний Муравьев-Апостол. К моменту ареста был командиром батальона Черниговского пехотного полка в чине подполковника. Инициировал южный мятеж и возглавил его.

Сын дипломата, окончил один из парижских лицеев, вернулся на родину, поступил в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, но освоить полный курс не успел: началась кампания 1812 года. Произведенный в армейские подпоручики Муравьев-Апостол с боями шел до Парижа. Четыре боевые награды, повышения в чине. Девятнадцатилетний армейский капитан, согласно его рапорту, переведен в лейб-гвардии Семеновский полк — с потерей двух чинов, как тогда полагалось.

Муравьев-Апостол стал одним из основателей «Союза спасения». К 1820 году дослужился до капитана, однако гвардейская служба прервалась из-за так называемой Семеновской истории: солдаты и унтер-офицеры первой роты, выстроившись в неуточное время, заявили о недовольстве полковым командиром. К ним вскоре присоединился весь полк, за исключением офицеров. Нарушение установленного порядка было лишь в том, что претензии надлежало заявлять только на инспекторском смотре — проверяющему. Однако выражение солдатского недовольства Александр I счел бунтом. Наказали всех.

Полк раскассировали по армейским подразделениям — от столицы подалее. Муравьев-Апостол при переводе из гвардии получил два чина, стал

Сергей Иванович Муравьев-Апостол
(1795–1826)

Михаил Павлович Бестужев-Рюмин
(1801–1826)

подполковником. Карьера все-таки оказалась проблематичной: бывшие семеновские офицеры — под надзором полиции.

Но и на юге служил он безупречно. Любимец подчиненных, в фаворе у начальства 1-й армии: лучший батальонный командир.

Среди петербургских заговорщиков Муравьев-Апостол не претендовал на лидерский статус, а вот на юге стал одним из лидеров заговора. 3 января 1826 года при подавлении мятежа ранен и взят в плен.

Для смертного приговора хватало и участия в мятеже. К тому же — «царейбийственные планы», с которыми подполковник соглашался.

Четвертый в списке обреченных — двадцатипятилетний Бестужев-Рюмин. К моменту ареста был подпоручиком Полтавского пехотного полка.

В юности планировал карьеру дипломата, экстерном выдержал экзамены за университетский курс, а тут гвардия с триумфом вернулась из-за границы, и Бестужев-Рюмин стал юнкером Кавалергардского полка. Затем перевелся в семеновцы, но — Семеновская история, перевод в армию.

Эполеты юнкер получил на юге. В заговоре он с 1822 года, вскоре стал одним из лидеров, помощник Муравьева-Апостола. Согласно итоговому выводу суда, Бестужев-Рюмин побуждал к мятежу солдат и офицеров Черниговского

Петр Григорьевич Каховский
(1797–1826)

полка, а 3 января 1826 года «взят с оружием в руках» [119-й («решительный») протокол ... , 1980, с. 204].

Для смертного приговора хватало и участия в мятеже. К тому же — «цареубийственные планы», обсуждавшиеся с другими заговорщиками.

Пятый в списке обреченных — двадцатидевятилетний Каховский. Отставной армейский поручик.

Учился он в Московском университетском пансионе. Службу начал юнкером лейб-гвардии Егерского полка. Но переведен в армию: как тогда говорили, часто «бывал в штрафах».

До чина поручика все-таки дослужился. По болезни вышел в отставку, с 1825 года жил в Санкт-Петербурге, где и примкнул к заговору.

Согласно материалам следствия, отставной поручик неоднократно заявлял о готовности лично реализовать «цареубийственные планы», а в ходе мятежа смертельно ранил выстрелами из пистолета столичного генерал-губернатора М. А. Милорадовича и полковника Н. К. Стюрлера, командира лейб-гвардии Гренадерского полка: стрелял, чтобы не дать обоим переубедить выстроившихся на площади мятежников. Арестован 15 декабря 1825 года на основании показаний ранее арестованных заговорщиков.

Для смертного приговора хватало причин. Можно сказать, что их не было для снисхождения.

Примечательно, что в материалах следствия возраст смертников указан неточно, однако не следователи тому виной. У многих подследственных, да и не только у них, выявлены разночтения в официальных документах. Чему верить — решали в спешке: император торопил.

Зато в следственных и судебных материалах непременно указывалось, что совершение инкриминированных деяний подтвердили сами подсудимые. Вот тут все точно: признавались.

Некоторые историки сочли такое поведение странным, нелепым, самоубийственным. Трусость как причина считалась маловероятной или вовсе исключалась — в силу биографического контекста. Объяснения предлагались

различные: неготовность к ситуации ареста, обусловленная им психическая травма, попытки избежать обвинения во лжи, оскорбительного для дворянина, искреннее раскаяние и т. д., и т. п.

Вероятно, самым важным стал иной фактор. Монарх в беседах с арестантами давал понять: вовсе не обязательны прогнозировавшиеся смертные приговоры, однако снисхождение возможно только при раскаянии, подтвержденном откровенностью. Кстати, императорскую риторическую тактику Лунин характеризовал как «лживые обещания всепрощения» [Лунин, 1988, с. 272].

Аксиоматически подразумевалось: монаршее слово — закон. Причем всех других превыше. Однако применительно к пяти осужденным новый монарх нарушил свое обещание.

По делам или поделом

Из пяти казненных декабристов чаще всего привлекали внимание исследователей Пестель и Рылеев. Оба считались общепризнанными лидерами заговорщиков.

На документальной основе пестелевское жизнеописание опубликовала О. И. Киянская. Ею же — в соавторстве с А. Г. Готовцевой — опубликована и документированная рылеевская биография [Киянская, 2002; 2005; Готовцева, Киянская, 2013].

Примечательна характеристика Пестеля в монарших воспоминаниях. Согласно безоговорочной оценке императора, арестованный полковник «был злодей во всей силе этого слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в заpiresательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг» [Междоусобица 1825 года и восстание декабристов ... , 1926, с. 33].

Да, сначала Пестель отрицал все обвинения. Но затем и о «цареубийственных планах» следователям рассказывал. Похоже, верил монаршему обещанию. Император же, судя по характеру записей, рассчитывал на публикацию дневника в отдаленном будущем. Характеристики арестантов соотносил с приговорами, так сказать, обосновывая их эмоционально, задним числом.

Что до судьбы Пестеля, то вряд ли монарх руководствовался эмоциями. Хватало сведений о специфике личности и деятельности заговорщика.

Пестель, как установлено Киянской, исполнял в Заграничном походе не только адъютантские обязанности. Занимался еще и разведкой в тылах противника. Во 2-й армии тоже совмещал разведывательную деятельность со штабной службой, а затем и строевой. Нелегальными способами неоднократно пересекал российско-турецкую границу, создал обширную агентурную сеть.

Страница рукописи Пушкина с изображением казненных декабристов

Александр I знал о разведывательной деятельности Пестеля. В области внешней политики учитывал переданные с юга сведения [Киянская, 2005, с. 163–164].

Впервые план восстания, созданный командиром Вятского полка, отчасти реконструировал С. Н. Чернов. Но его монография, написанная в 1950-е годы, была опубликована почти что полвека спустя [Чернов, 2004].

Монография Киянской опубликована несколько раньше. Там план реконструирован более подробно.

Контролируемые заговорщиками войска должны были с юга двигаться на столицу. Об истинной цели знали бы немногие посвященные, а предлог следовало придумать сообразно конкретике. Для снабжения продовольствием требовалось изменить традиционные маршруты войскового движения, так называемые операционные линии, вдоль которых заранее формировались продовольственные склады. Эту задачу решал генерал-интендант 2-й армии А. П. Юшневский. В Санкт-Петербурге сигнал к мятежу ждали бы гвардейские офицеры, готовые подчиниться руководителю «Южной отрасли Союза благоденствия». Успех обеспечивался слаженностью административного механизма — при условии неведения правительства о заговоре.

Можно спорить, насколько это оказалось бы реализуемым, сложились обстоятельства иначе. Важно, что у командира Вятского полка было немало единомышленников среди высшего руководства 2-й армии. Да и начальник ее штаба прятельствовал с Пестелем, о планах изменения государственного строя знал, кары избежал по монаршей воле, и от его следственного дела остались лишь фрагменты. Опять же, неизвестно, пытались ли следователи выявить причастность Витгенштейна к заговору. Известно только, что командующий давно от дел отошел: жил в имении, долечивал старые раны.

13 декабря 1825 года Пестель был вызван в штаб 2-й армии. Сведениями о подготовке ареста полковник уже располагал, но препятствовать не стал: план бескровной революции утратил смысл, если заговор — не тайна.

Юшневский арестован 26 декабря 1825 года. Причина — тот самый донос, что обусловил и арест Пестеля.

Киянской выяснено, что еще до столичного восстания манипуляции Юшневского с операционными линиями не остались незамеченными в интендантских вышестоящих инстанциях, и все же выглядевшие странно административные решения генерал-интенданта 2-й армии можно было рассматривать как вполне исправимые ошибки. Иное дело — после мятежей. Вот тогда и должны были прежние сведения оказаться для следствия ключом, позволившим реконструировать пестелевский масштабный план захвата власти. Правда, он — по монаршей воле — огласке не подлежал.

Характерно, что Верховным уголовным судом Юшневский приговорен к смертной казни. Но, в отличие от Пестеля, он попал в первый разряд, где монаршей волей смерть заменена пожизненной каторгой. Все-таки — бывший действительный статский советник, это чин, эквивалентный генеральскому, а генералов монарх вешать не рискнул.

В судебных материалах педалируется тема безоговорочного административного лидерства Пестеля. Он, согласно итоговому выводу, управлял южным заговором «с неограниченной властью» [119-й («решительный») протокол ... , 1980, с. 203].

Материалам следствия итоговый вывод противоречит. Киянской отмечено и другое противоречие. Судя по свидетельствам большинства арестантов, Пестеля воспринимали как антипатичного честолюбца, но будь так, он бы не добился лидерства и в Санкт-Петербурге, и на юге.

Боевой офицер, опытный администратор, удачливый разведчик, талантливый агентурист, блестяще владевший техникой убеждения, создатель разветвленной организационно-финансовой структуры заговора, обеспечивавшей масштабный план захвата власти, — все это по совокупности решило судьбу Пестеля.

Рылеева Николай I не характеризовал так эмоционально, как Пестеля. Согласно одному мемуарному свидетельству, прочтя рылеевские стихи после казни декабристов, посетовал на свою неосведомленность о даровании автора, потому как «мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их» [Смирнова, 1897, с. 19–20].

Достоверность свидетельства давно уже признана сомнительной — как заведомо апологетического по отношению к Николаю I. В любом случае монарх, выбирая смертников, должен был руководствоваться вполне конкретными соображениями. Они частично и отражены формулировкой итогового судебного вывода, где по отношению к «императорской фамилии» Рылееву инкриминирован умысел «на лишение свободы, на изгнание» [119-й («решительный») протокол ... , 1980, с. 203].

Другой вопрос, куда и как планировалось «изгнание». Не везти же в Европу: там — Священный союз, по инициативе Александра I созданный. Это повод к войне с европейскими монархами. Да и на российской территории сохранить в тайне место пребывания августейшей семьи — задача практически неразрешимая.

План «изгнания» реконструировали Киянская и Готовцева, детально анализировавшие материалы следствия. Ключевое слово — флот. Он базировался в Кронштадте. Рылеевские сообщники — прежде всего флотские офицеры.

Они в большинстве своем ненавидели Александра I. Балтийский флот, по императорскому мнению, ставший ненужным, постепенно приходил в негодность. Буквально — гнил. При ежегодных выпусках Императорского морского корпуса катастрофически не хватало вакансий, и часто выпускников отправляли в подразделения, не относившиеся к флотской службе. Лишь иногда для кругосветных экспедиций закладывались фрегаты, но туда попасть — редкая удача. Зато Российско-американская компания строила корабли, чтобы поддерживать связи с колониями, и некоторые офицеры заявляли, что готовы отправиться в плавание хоть матросами [Готовцева, Киянская, 2013, с. 256–260].

Рылеев планировал тайно вывезти «императорскую фамилию» на корабле Российско-американской компании. Пункт назначения — калифорнийский Форт Росс, колония Российской империи. Формально и без цареубийства обошлось бы.

Строительство очередного корабля должно было завершиться в 1826 году, и комплектовавший экипаж капитан — заговорщик. Но план деактуализировался из-за внезапной смерти Александра I.

Относительно плана «изгнания» нет конкретики в итоговых следственных и судебных документах. Императором не предусматривалась огласка.

Примкнув к заговору лишь в 1823 году, «правитель дел Российско-американской компании» вскоре стал одним из лидеров. Талантливый поэт, энергичный организатор, опытный финансист, авторитетный пропагандист. Это по совокупности решило судьбу Рылеева.

В мемуарах император характеризовал и Муравьева-Апостола. Правда, назвал его поначалу именем и фамилией троюродного брата, тоже заговорщика. Это случайная оговорка, и на допросе обошлось без путаницы. Арестованный подполковник, согласно монаршей характеристике, «образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на иностранный лад, он был во своих мыслях дерзок и самонадеян, но вместе скрытен и необыкновенно тверд» [Междоусобица 1825 года и восстание декабристов ... , 1926, с. 33].

Монарх спрашивал прежде всего о плане мятежа. Казалось бы, с военной точки зрения бессмысленно пытаться взбунтовать полк на юге, если уже известно о поражении столичного восстания.

Ответа на этот вопрос нет в опубликованных материалах следствия и суда. Мотивация и планы Муравьева-Апостола реконструированы по архивным документам Киянской, чья монография издана в 2023 году [Киянская, 2023].

Важно, что вдохновляющим примером стали результаты испанской революции 1820 года: батальонный командир подполковник Р. Риго добился при-

Обелиск на месте казни декабристов

нятия конституции, ограничившей королевскую власть. Для начала мятежа ему понадобилось малое количество войск, столичные администраторы медлили, а на периферии мятежника в итоге поддержали.

Немалое значение имел моральный фактор — колоссальный авторитет Муравьева-Апостола в 3-м пехотном корпусе 1-й армии. Даже знакомство с подполковником многие офицеры почитали за честь [Киянская, 2023, с. 432–433, 462–464].

Он был нетерпим к любым проявлениям несправедливости. Так, назначенный председателем военного суда, защитил арестованного по обвинению в растрате офицера, хоть оправдание и противоречило мнению командования 1-й армии. Муравьев-Апостол лично вел расследование почти год и безукоризненно обосновал свое решение [Киянская, 2023, с. 424–432].

Что до мятежа, то мотивация подполковника вполне реконструируема по опубликованным Киянской документам. Божьим промыслом Муравьев-Апостол считал свою вовлеченность в заговор и был убежден, что избран свыше для борьбы с произволом. В этом аспекте характерна его предсмертная записка — цитата из послания апостола Павла: «Се время моего отшествия наста. Подвигом добрых подвизахся, течение скончах, веру соблюдох» [Киянская, 2023, с. 659].

Для императора — боевой офицер, чей моральный авторитет был всегда бесспорен. По совокупности это решило судьбу Муравьева-Апостола.

Бестужев-Рюмин боевого опыта не имел. Военная карьера ему не удалась, да и служебным рвением не отличался.

Но у него был, что называется, дар. Так, А. Х. Бенкендорф назвал подпоручика «демоном пропаганды» [Бенкендорф, 2012, с. 338].

Его влияние на окружающих удивляло современников. Бестужев-Рюмин, великолепный ритор, владел, как тогда говорили, магнетической силой и подчинял своей воле не только ровесников, но и старших по чину [Киянская, 2024, с. 97–134].

Следствию и монарху очевидна была опасность риторического дара. Это решило судьбу Бестужева-Рюмина.

Такого дара не было у Каховского. Но в рассуждениях следователей о его преступлениях — странная обмолвка. Сообщается, что он, «как видно из многих показаний, наконец, подтвержденных и его собственным признанием, стрелял из пистолета и смертельно ранил графа Милорадовича...» [Донесение Следственной комиссии, 1980, с. 57].

Вот именно, что «наконец, подтвержденных». Из пистолетов стрелял не один Каховский, а он долго настаивал, что в смерти Милорадовича неповинен.

Судя по списку деяний, инкриминированных Каховскому, выстрел в Милорадовича, если и был, ничего не менял в судьбе арестанта. Ему и так оставалось надеяться лишь на обещанное снисхождение. Но — за откровенность. Вот, «наконец», признал себя убийцей генерал-губернатора.

Меж тем генерал-губернатор был не только пулей ранен. Еще и штыком, вошедшим в бок и почти насквозь пронзившим Милорадовича. Рана, согласно медицинскому заключению, безусловно смертельная.

Кто нанес ее — следователи точно знали: взявший у солдата ружье с примкнутым штыком поручик лейб-гвардии Финляндского полка Е. П. Оболенский. Сам он утверждал, что хотел уколоть коня, на котором генерал-губернатор прискакал к строю мятежников.

Инкриминировались Оболенскому «цареубийственные планы», а также принятие управления столичным восстанием. При этом в следственных и су-

дебных материалах не сказано, что он в смерти генерал-губернатора повинен. Формулировка иная: в мятеже поручик действовал лично «оружием и пролитием крови, ранив штыком графа Милорадовича» [119-й («решительный») протокол ... , 1980, с. 204].

Да, следователи знали: смертельна штыковая рана. Но если объявить это официально, так получится, что один из убийц генерал-губернатора — князь. Рюрикович. Выход нашли: Милорадович не смертельно ранен Оболенским.

Смертный приговор суд вынес и Оболенскому, но поручик в первый разряд попал, так что вместо смерти — пожизненная каторга. Не рискнул император вешать князей.

Воспитательные процедуры

Если пользоваться современной терминологией, Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин — харизматические лидеры. Значит, опасны и на каторге. Император от них избавился, похоронив заодно пестелевский и рылеевский планы, а за смерть Милорадовича, эталонного героя, любимца гвардии, ответил Каховский, причем один, а не вместе с Оболенским. Такова была прагматика вердикта.

Но посредством виселицы удалось решить отнюдь не все монаршие проблемы, относившиеся к заговору. 14 декабря 1825 года выяснилось, что многие гвардейские офицеры, даже и генералы не выказали безоговорочную готовность противостоять мятежу.

Лейб-гвардии Конный полк — характерный пример. Изрядно разгневала нового монарха странная медлительность конногвардейцев при выполнении приказа выдвинуться против боевых порядков мятежников [Гордин, 1989, с. 267–273].

Медлили и кавалергарды. К тому же кавалерийские атаки на боевые порядки мятежников не дали результатов. По сути, монарший приказ так и не выполнили финляндцы. Не спешили выполнять измайловцы, да и почти все гвардейские подразделения, оставшиеся верными императору [Гордин, 1989, с. 307–308, 282–290].

Дело не только в сочувствии многих офицеров заговорщикам. Воевать надлежало против своих.

Император, судя по сочиненному им ритуалу казней, намеревался дать гвардии урок. Предметный и памятный.

Нет оснований полагать, что гвардейские офицеры, назначенные присутствовать на кронверке, не уяснили заранее монарший замысел. Согласно мемуарному свидетельству, не все согласились участвовать в ритуале. Пофа-

мильно же назван один — А. Н. Зубов: «“Это мои товарищи, и я не пойду” — был его ответ» [Муравьев, 1999, с. 101].

Восемнадцатилетним Зубов окончил Пажеский корпус в 1814 году. По успехам — первый. Выпущен в Кавалергардский полк с чином корнета. Спустя одиннадцать лет — полковник, эскадронный командир [Сборник биографий кавалергардов, 1906, с. 267–268].

Накануне казней Зубов не успел бы испросить отставку. Летом это запрещалось, а если бы и подал соответствующее прошение, нужно было бы дожидаться решения императора. Так что полковник оставался на действительной военной службе, где неисполнение приказа, тем паче монаршего, считалось тяжким преступлением. Формально — никаких оправданий. Рисковал эскадронный командир не только карьерой.

Однако — внук генералиссимуса Суворова. Потому император предпочел избежать скандала, а прошение Зубов подал, как только позволил срок.

В январе 1827 года завершилась быстрая военная карьера Зубова. Двадцатидевятилетний кавалергардский полковник был наконец уволен. Формально — «для определения к статским делам».

Гвардейские офицеры, не рискнувшие отказаться, получили урок, предусмотренный монархом. Наблюдали, как унижают одних арестантов и мучительно умерщвляют других, после чего мимо виселицы маршировали. У многих — друзья, родственники и знакомые среди осужденных. Ну а потом участникам ритуала оставалось дать оценку себе. Выбор невелик: опозорены ли они «палачеством и раболепием» или же исполнили свой долг, пусть не воинский, но обусловленный присягой, верность которой обязательна и в дальнейшем. Такова была прагматика императорских воспитательных процедур. Насколько все удалось — другая тема.

Список источников

⟨Донесение Следственной комиссии⟩ (Его императорскому величеству высочайше утвержденной Комиссии для изыскания о злоумышленных тайных обществах всеподданейший доклад) // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 24–61.

⟨Записка Николая I о казни декабристов. Копия рукой Л. Н. Толстого⟩ // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 280.

119-й («решительный») протокол Верховного уголовного суда от 5 июля 1826 г. (Общий приговор, вынесенный подсудимым) // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 187–214.

Батеньков Г. С. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 29–146.

Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2012. 760 с.

Булдакова Д. И. Осмысление исторических событий в отечественной публицистике XIX–XXI веков (на примере восстания декабристов). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2024. 169 с. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Buldakova_DI_169.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

Герцен А. И. Концы и начала // Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. С. 129–198.

Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 7. С. 133–267.

Герцен А. И. Письмо Ж. Мишле, 7 ноября 1851 г. // Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 24. С. 203–204.

Герцен А. И. Русский заговор 1825 года // Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 128–145.

Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Л.: Лениздат, 1989. 398 с.

Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013. 350 с.

Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. 446 с.

Киянская О. И. «Люди двадцатых годов». Декабрист Михаил Бестужев-Рюмин. М.: РГГУ, 2024. 258 с.

Киянская О. И. «Люди двадцатых годов». Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 766 с.

Киянская О. И. Материалы следствия о членах тайных обществ в фондах Государственного архива Одесской области (статья) // 14 декабря 1825 г. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор, 2010. Вып. VIII. С. 47–97.

Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.

Киянская О. И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. 353 с.

Ленин В. И. Памяти Герцена // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М.: Политиздат, 1968. Т. 21. С. 255–262.

Лунин М. С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 496 с.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 247 с.

Мотыль В. Я. (Выступление в дискуссии) // Империя и либералы: (Материалы международной конференции): Сборник эссе. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 282–285.

Муравьев А. М. Мой журнал // Муравьев А. М. Воспоминания и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 81–112.

Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора // Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. С. 89–105.

Пестель П. И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 1–226.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830. Т. V: 1713–1719 гг. 782 с.

Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. 556 с.

Рудницкая Е. Л., Тартаковский А. Г. Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М.: Наука, 1944. С. 5–64.

Сборник биографий кавалергардов. В 4 кн. СПб.: Эксп. заготовл. гос. бумаг, 1906. Кн. 3: 1801–1826. VI + 402 с.

Смирнова О. Н. Записки А. О. Смирновой. В 2 т. СПб.: Ред. журнала «Северный вестник», 1897. Ч. 2. 97 с.

Фельдман Д. М. Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2008. С. 681–696.

Чернов С. Н. Павел Пестель. СПб.: Лики России, 2004. 304 с.

References

“⟨Donesenie Sledstvennoj komissii⟩ (Ego imperatorskomu velichestvu vysochajshe utverzhdennoj Komissii dlja izyskanija o zloumyshlennyh tajnyh obshhestvah vsepoddanejsij doklad)” [“⟨Report of the Board of Inquiry⟩ (Report to His Imperial Majesty of the Highest Approved Commission for the Investigation of Malicious Secret Societies)”] (1980) in *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 17* [*The Decembrists' Revolt. Documents. Vol. 17*]. Moscow: Nauka, pp. 24–61.

“⟨Zapiska Nikolaja I o kazni dekabristov. Kopija rukoј L.N. Tolstogo⟩” [“⟨Record of Nicholas I on the Execution of the Decembrists. Copy by the Hand of L. N. Tolstoy⟩”] (1980) in *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 17* [*The Decembrists' Revolt. Documents. Vol. 17*]. Moscow: Nauka, p. 280.

“119-j (“reshitel’nyj”) protokol Verhovnogo ugovnogo suda ot 5 ijulja 1826 g. (Obshhij prigovor, vynesennyj podsudimym)” [“119th (“Main”) Minutes of the Supreme Criminal Court of July 5, 1826 (General Sentence Passed on the Defendants)],

in *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 17* [*The Decembrists' Revolt. Documents. Vol. 17*] (1980) Moscow: Nauka, pp. 187–214.

Batenkov, G. S. (1976) “Sledstvennoe delo” [“Criminal Case”], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 14* [*The Decembrists' Revolt. Documents. Vol. 14*]. Moscow: Nauka, pp. 29–146.

Benkendorf, A. H. (2012) *Vospominanija. 1802–1837* [*Memories. 1802–1837*]. Moscow: Rossiysky fond kultury; Studija “TRITe”; Ros. Arhiv.

Buldakova, D. I. (2024) *Osmyslenie istoricheskikh sobytij v otechestvennoj publicistike XIX — XXI vekov (na primere vosstanija dekabristov)* [*Comprehension of Historical Events in the National Journalism of the 19–21th Centuries (On the Example of the Decembrists' Uprising)*]. Diss. ... kand. filol. nauk [Dissertation ... PhD in Philology]. Moscow: RGGU. Available at: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Buldakova_DI_169.pdf (Accessed: 01 November 2024).

Gercen, A. I. (1959) “Koncy i nachala” [“Ends and Beginnings”], in Gercen, A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 16* [*Collected works. Vol. 16*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 129–198.

Gercen, A. I. (1956) “O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii” [“On the Development of Revolutionary Ideas in Russia”], in Gercen, A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 7* [*Collected Works. Vol. 7*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 133–267.

Gercen, A. I. (1961) “Pis'mo Zh. Mishle, 7 nojabrja 1851 g.” [“Letter to J. Michelet, November 7, 1851”], in Gercen, A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 24* [*Collected Works. Vol. 24*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 203–204.

Gercen, A. I. (1958) “Russkij zagovor 1825 goda” [“The Russian Conspiracy of 1825”], in Gercen, A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 13* [*Collected Works. Vol. 13*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 128–145.

Gordin, Ja. A. (1989) *Mjatezh reformatorov* [*Revolt of Reformers*]. Leningrad: Lenizdat.

Gotovtseva, A. G. and Kiyanskaya, O. I. (2013) *Rylejev*. Moscow: Molodaya Gvardiya.

Dekabristy. Biograficheskij spravocchnik [*Decembrists. Biographical Guidebook*] (1988) Moscow: Nauka, pp. 1–446.

Kiyanskaya, O. I. (2024) “Ljudi dvadcatyh godov”. *Dekabrist Mihail Bestuzhev-Rjumin* [“People of the Twenties”. *Decembrist Mikhail Bestuzhev-Ryumin*]. Moscow: RGGU.

Kiyanskaya, O. I. (2023) “Ljudi dvadcatyh godov”. *Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol* [“People of the Twenties”. *Decembrist Sergei Murav'ev-Apostol*]. Moscow: RIPOL classik.

Kiyanskaya, O. I. (2010) “Materialy sledstvija o chlenah tajnyh obshhestv v fondah Gosudarstvennogo arhiva Odesskoj oblasti” [“Materials of the Investigation of

Members of Secret Societies in the Funds of the State Archive of Odessa Region”], in *14 dekabrja 1825 g. Istochniki, issledovanija, istoriografija, bibliografija. Vypusk VIII* [December 14, 1825. Sources, Studies, Historiography, Bibliography. Iss. VIII]. St. Petersburg: Nestor, pp. 47–97.

Kiyanskaya, O. I. (2002) *Pavel Pestel: oficer, razvedchik, zagovorshhik* [Pavel Pestel: Officer, Scout, Conspirator]. Moscow: Paralleli.

Kiyanskaya, O. I. (2005) *Pestel*. Moscow: Molodaya Gvardiya.

Lenin, V. I. (1968) “Pamjati Gercena” [“In Memory of Herzen”], in Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenij: v 55 tomakh. Tom 21* [Collected Works. Vol. 21]. Moscow: Politizdat, pp. 255–262.

Lunin, M. S. (1988) *Pisma iz Sibiri* [Letters from Siberia]. Moscow: Nauka.

Mezhducarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarah chlenov carskoj sem'i [The Interregnum of 1825 and the Decembrists' Revolt in the Correspondence and Memoirs of the Members of the Royal Family] (1926) Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 1–247.

Motyl, V. Ya. (2001) “(Vystuplenie v diskussii)” [“(Speech in the Discussion)”], in *Imperija i liberaly: (Materialy mezhdunarodnoj konferencii): Sbornik jesse* [Empire and Liberals: (Proceedings of the International Conference): Collection of Essays]. St. Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, pp. 282–285.

Murav'ev, A. M. (1999) “Moj zhurnal” [“My Journal”], in Murav'ev, A. M. *Vospominanija i pis'ma* [Memories and Letters]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 81–112.

Odessky, M. P. and Feldman, D. M. (2012) “Pojetika terrora” [“Poetics of Terror”], in Odessky, M. P. and Feldman, D. M. *Pojetika vlasti. Tiranoborchestvo. Revoljucija. Terror* [Poetics of Power. Tyranny. Revolution. Terror]. Moscow: ROSSPEN, pp. 89–105.

Pestel, P. I. (1927) “Sledstvennoe delo” [“Criminal Case”], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 4* [The Decembrists' Revolt. Documents. Vol. 4]. Moscow: Gosizdat, pp. 1–226.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. Tom V: 1713–1719 gg. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Part One. Vol. V: 1713–1719] (1830) St. Petersburg: Tipografiya II Otdelenija Sobstvennoj Ego imperatorskogo veličestva kanceljarii.

Pypin, A. N. (2001) *Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I* [Public Movement in Russia under Alexander I]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt.

Rudnitskaya, E. L. and Tartakovskij, A. G. (1994) “Vol'naja russkaja pechat' i kniga barona Korfa” [“Free Russian Press and Baron Korf's Book”], in *14 dekabrja 1825 goda i ego istolkovateli (Gercen i Ogarev protiv barona Korfa)* [December 14, 1825 and its Interpreters (Herzen and Ogarev against Baron Korf)]. Moscow: Nauka, pp. 5–64.

“Sbornik biografij kavaler gardov” [“Collection of Biographies of Cavalry Guards”], in *Sbornik biografij kavaler gardov: v 4 knigakh. Kniga 3: 1801–1826* [Collection of Biographies of Cavalry Guards. Book 3: 1801–1826]. St. Petersburg: Jekspedicija zagotovenija cennyh bumag.

Smirnova, O. N. (1897) *Zapiski A. O. Smirnoj. V 2 tomakh. Tom 2* [Notes of A. O. Smirnova. In 2 vols. Vol. 2]. St. Petersburg: Redaksia zhurnala “Severnyj vestnik”.

Feldman, D. M. (2008) “Dekabristovedenie segodnja: terminologija, ideologija, metodologija” [“Decembrists Today: Terminology, Ideology, Methodology”], in *Dekabristy: Aktual’nye problemy i novye podhody* [Decembrists: Actual Problems and New Approaches]. Moscow: Russian State University for the Humanities, pp. 681–696.

Chernov, S. N. (2004) *Pavel Pestel*. St. Petersburg: Liki Rossii.

Информация об авторе: Давид Маркович Фельдман — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6.

Information about the author: David M. Feldman — DSc in History, Professor, Professor of the Department of Literary Criticism of the Faculty of Journalism of the Russian State University for the Humanities. Address: 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.